Одна любовь. ДВОЙНАЯ МЕСТЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ольга Дашкова

Ольга Викторовна Дашкова

Одна любовь. Двойная месть

Серия «Двойное», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314740
SelfPub; 2023

Аннотация

Они не думали, что одна женщина заставит их вернуться к нормальной жизни. Они не думали, что смогут делить ее на двоих. Они вернулись, чтобы быть с ней, начать все сначала, забыть о прошлом. Но прошлое не отпускает просто так. Она беременна от них, а что ждет тех, кто посягнет на самое дорогое? Ждет месть. Двойная месть. За одну любовь.Продолжение романа "Ночная смена. Двойной тариф"Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 16
Глава 3 23
Глава 4 29
Глава 5 36
Глава 6 42
Глава 7 49
Глава 8 56
Глава 9 62
Глава 10 69
Глава 11 76
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Ольга Дашкова
Одна любовь. Двойная месть

Пролог

У центрального входа гостиницы «Империал» было безлюдно. Стоя на крыльце, Полина куталась в пальто, ноги моментально замерзли в лакированных ботиночках. Влад все не ехал, а ведь сказал, что быстро подгонит машину.

Город накрывали сумерки, но фонари на фасаде здания и ограждениях еще не зажглись. Девушка огляделась по странам, удивилась, что почти нет прохожих, прошла чуть вправо, между высокими колоннами, чтобы заглянуть на стоянку и увидеть машину Влада. В окнах отеля горел свет, охранник скучал у стойки, администратор что-то писала в журнале. Ей нравилась эта новая девушка, приветливая, милая и на Влада не смотрит с вожделением, как весь их женский персонал.

Поправила на прилично выпирающем животике пальто, начало октября выдалось холодным, того и гляди пойдет снег. Улыбнулась, почувствовав, как малыш зашевелился. Но тут ее так неожиданно и резко схватили за руку и потянут по крыльцу в противоположную сторону.

На самом деле от испуга пропал дар речи, ей казалось, что она сейчас родит прямо тут, на этом стылом крыльце, раньше срока, если ее не прекратят так дергать. Это было реально странно, и неважно, кто и куда ее тащил, она боялась потерять ребенка. Внутри все перевернулось, движения стали

замедленными.

– Шевели ногами.

Акцент, тот самый, характерный акцент, который она не могла разобрать, работая ночным администратором. Тогда охранник Павел подсказал, откуда те мужчины, которые искали их постояльца с татуировкой ворона на правой кисти.

Полина начала упираться каблуками в скользкие каменные ступени крыльца, платок развязался и съехал с головы, пальто распахнулось.

– Нет, нет,…отпустите…– выходило, что она не кричит, а хрипит.

– Шевелись, сучка.

Руку сдавило железной хваткой, казалось, что сейчас ей сломают кости.

– Помогите!

Но никого вокруг не было. Ни охраны, ни гостей, ни парнишки-портье, который постоянно бегает курить под любым предлогом.

– Никто тебе не поможет, сука. Твои ёбари за все ответят. И долг вернут с процентами, если ты им дорога.

Ее тащили, кажется, целую вечность. Вот ступеньки вниз, с торца здания, под ногами теперь вымощенная дорожка и еще неубранная листва. Внутри Полины все похолодело, малыш заволновался, она придержала живот и начала оседать. Нет, не потому, что начались схватки, а от страха реально подкосились ноги.

– Полинка! Полинка! Где ты?

– Влад! Господи, Влад! – оборачивается, шепчет одними губами.

Руку отпустили, быстрые удаляющиеся шаги, темное пятно убегало в сторону забора, человек с акцентом ушел. А она так и осталась сидеть на дорожке, совсем не чувствуя холода, того, как по щекам текут слезы, не слыша своих истеричных всхлипов.

– Полинка, что с тобой? Что такое, милая?

– Я…я… Влад, там человек, он…,– даже руку не могла поднять, чтоб показать в какую сторону убежал человек напугавший ее.

Влад в пальто нараспашку, белоснежная рубашка так красиво контрастирует с его загорелой кожей и черным пальто. Полина смотрит в его взволнованное лицо и не может ничего объяснить, хочется просто рыдать.

– Он тронул тебя? Милая, что он тебе сделал?

– Влад…где… где ты был?

Все, истерика накрыла окончательно, Полина прикрыла рот ладонью, прижала другую руку к животу. Накрыла не только истерика, но и страх, что могло случиться непоправимое.

– Иди сюда, совсем замерзнешь, меня Немец убьет.

Влад накидывает ей на голову платок, подхватывает девушку на руки, прижимает к себе, чувствует, как дрожит ее тело. Самого скручивает от ярости. Какая сука посмела ее

обидеть? Какой твари надоело жить? Он только вышел, чтобы подогнать машину, но спустило колесо, пришлось быстро подкачивать. Ведь сказал же, не выходить никуда, быть в холле с охранником, на улице холодно.

– Все, милая, все, родная, сейчас поедем.

– Пожалуйста,…не уходи.

– Не уйду, не уйду, милая. Эй, как тебя там? Иди быстро сюда, помоги.

Парнишка-портье выкинул недокуренную сигарету, он даже не знает его имени, это Полинка знает всех. Он испуганно кинулся было в отель, но остановился.

– Отомри! Открой заднюю дверь!– повышает голос, потому что его бесит его нерасторопность.

Влад кивнул в сторону огромного джипа, парень выпучил глаза еще больше, но подбежал и сделал, что его просили. Аккуратно опустил Полину на сиденье, но девушка постоянно цеплялась за него и не хотела отпускать.

– Суки ебаные, – процедил сквозь зубы, забрался в салон. – Сейчас будет теплее, подожди, милая.

Черный автомобиль перегородивший весь подъезд к центральному крыльцу, урчал мотором. Влад перегнулся вперед, дал больше тепла в салон, прижал Полину к себе, обнимая крепче. Она всхлипывала, поднял ее лицо, начал вытирать слезы.

– Ну, все, все, успокойся, все хорошо. Милая, ты мне расскажешь, кто тебя напугал?

Она лишь кивнула головой, прикрыла глаза и уткнулась ему в шею. Запах Влада успокаивал, от него шло тепло, а еще ярость. Он подвинул ее ближе, опустил руку на живот, погладил. Сердце гулко отбивало удары, мужчина старался держать себя в руках, лишь плотно сжимал челюсть и смотрел в накрывшие город сумерки.

Что это было? Ее хотели похитить, или просто напугать? С этим предстоит еще разобраться. Можно было догадаться, откуда растут ноги у этого инцидента, но верить не хотелось.

Ведь они завязали.

Или это им только кажется?

Глава 1

– Влад, даже не думай! Не подходи!

– Полинка, ты уверена?

– Я уверена, как никогда. И не смотри на меня так!

– Как так?

– Так похотливо.

– Я хочу свою женщину, поэтому так смотрю.

– Ты бросил свою женщину почти на полгода и теперь хочешь так просто залезть ей под юбку?

– Не просто залезть под юбку, а еще в трусики и вылизать твою сладкую девочку до нескольких оргазмов.

– Влад!

– Что, Влад?

– Прекрати!

Полина, скрестив руки, кружила по гостиной, постоянно останавливалась и грозно смотрела на мужчину. Влад шел следом, нагло улыбался, облизывал губы, отчего у девушки по коже бежали мурашки. Вот он снял пиджак и кинул его на диван, вот начал расстегивать верхние пуговицы рубашки.

Она не может просто так сдаться, она должна быть гордой и не позволять вот так просто соблазнить ее. Они явились спустя столько месяцев, Влад привез ее в этот дом и теперь пристает. Он, конечно, соблазнял и искушал ее изголодавшееся по мужским ласкам тело, когда нес на руках че-

рез весь парк, ее никто никогда не носил на руках, когда в машине сжимал ладонь. Гормоны шалили еще больше, а малыш именно сейчас совсем притих, словно специально сговорился с Владом.

Полина остановилась, глубоко вздохнула.

– Я сказала – нет! И убери от меня свои руки! Еще не понятно, кого ты там лапал все это время.

– Я наяривал свой член до посинения, кончал в душе и думал о твоих шикарных титьках и сладкой киске.

– Влад!

– Ты такая сексуальная, когда злишься, щеки горят, я вижу, как торчат соски, дай поцелую. И прекрати облизывать губы, у меня стоит с самого парка, как только увидел тебя.

– Я беременна. Мне противопоказан секс.

Полина врала, просто нагло врала. Но оно того стоило, лицо Влада изменилось, ей даже стало жалко его. Соболь застыл на месте, чистое страдание и недоумение сейчас было в его глазах. В душе Полина ликовала. Вот пусть ему так же будет плохо и хреново, как ей. Пусть страдает и думает нормальной головой.

– Так что ты будешь дальше наяривать свой стояк и любимые яйца еще три месяца. Если, конечно, это,правда, что я твоя женщина, и ты будешь ценить, уважать и принимать меня такую, какая есть.

– В смысле, нельзя секса?– до Влада только сейчас дошел смысл слов, как совсем недавно новость о том, что Полина

беременна, которую надо было еще переварить.

– Вот так, нельзя и все. Это опасно для ребенка.

– Опасно? Опасно станет всем, если у меня не будет секса! Да быть того не может! Как так-то?

Влад стоял совершенно растерянный, рубашка расстегнута, была видна загорелая кожа и кубики пресса, а еще часть татуировки на груди. Полина старалась не рассмеяться. Ничего, пусть посидит на голодном пайке. Озабоченный. Но ей так нравился его темперамент, его напор. страсть и откровенность. Посмотрела в район паха, там отчетливо выделялся возбужденный член. Нет, она сама долго не протянет. Да и как представила, что Влад был с какой-то другой женщиной, в груди острой иглой заколола ревность.

– И вообще, тебе надо сдать анализы.

– Какие еще анализы? Полинка, не беси меня.

– На венерические заболевания. Я вот не уверена, что ты соблюдал целибат и ни в кого не сунул свой член.

– Ну-ка иди сюда!

– Влад!

По гостиной снова началась беготня, Полина визжала и уже смеялась в голос.

– Я не такой дурак, чтоб не надевать резину. И вообще, я две недели назад был в больнице, все анализы хорошие. А ну иди сюда. Я должен поздороваться с сыном.

– В какой больнице? С чего ты решил, что будет сын? – Полина остановилась и удивленно посмотрела на мужчину.

Он что, слышал их разговор с Германом? И про какую больницу он говорит?

При воспоминании о разговоре в кабинете Полина покраснела, она не смогла сказать Герману “нет”. Юлить, как перед Владом, не получилось бы. Его не проведешь. Герман видел и чувствовал ее насквозь, как она была возбуждена, и как трясло ее тело, когда он целовал. А потом, усадив себе на колени в широком кресле, развязал завязки на платье, обнажил плечи, опуская ткань вниз, начал ласкать грудь. Это было невыносимо нежно и в то же время остро. Он не спрашивал, но хотел и делал.

Грудь была слишком чувствительна, Полина наконец-то вздохнула, когда он освободил ее от тесного бюстгальтера. Легкое касание, а потом укусы и по телу бежит ток наслаждения.

– Боже мой,…мммммм.

Как же она скучала по этим ласкам, по нему. Скучала этому суровому и молчаливому мужчине. Он ведь только ее и ничей больше?

Грудь отяжелела еще больше, соски затвердели, Полина чувствовала, как половые губы наливаются возбуждением, как трусики становятся мокрыми. Мужчина спускается ниже, гладит круглый животик, смотрит на него. В этот момент дыхание остановилось. Нежное касание, его рука дрожит. Неужели ледяная скала Герман дрогнул? Не верится.

Мужчина часто дышит, она видит, как он сглатывает, как

дергается на шее кадык. Крупная кисть с татуировкой головы черного ворона лежит на ее беременном животике. Словно какая-то мистика. Она помнит ласки этих рук, как они сжимали ее шею, там, в туалете отеля, как они грубо мяли ягодицы, как они возносили на вершину блаженства. Она помнит, какой он дикий в сексе, как грубо брал ее тело, как ей это нравилось. А вот теперь он гладит ее живот, как самое дорогое сокровище на свете.

Снова поцелуй, язык врывается в рот, а рука, спускаясь ниже, накрывает уже промокшее белье. Всего несколько касаний, Герман даже не отодвигает трусики, ласкает ее возбужденное лоно через белье. Полина вскрикивает, чуть разводит колени шире, цепляясь за пиджак мужчины. Клитор пульсирует под его пальцами, как же долго у нее не было этих ласк. Оргазм обрушивается внезапно, вот так, просто от его касаний и ласк груди.

Полина кончает, тело вибрирует, она кричит, задыхаясь от удовольствия. Герман продолжал ее ласкать, целуя лицо.

– Тихо, девочка, тихо. Да, милая, да, сладкая, шшшшшш. Такая мокрая, такая голодная девочка. Такая желанная девочка.

Герман успокаивает ее, оргазм отпускал медленно. И снова его рука с татуировкой черного ворона гладит животик, а Полина не может унять сердце. Он потом сам поправил на ней платье, а Полина быстро вышла из кабинета, чтобы найти ванную и, конечно, наткнулась на Влада.

А сейчас, стоя в гостиной этого шикарного дома, Полина смотрит на него и не понимает, откуда он знает, что будет мальчик.

– Так почему ты решил, что будет мальчик?

– Только пацан, другого варианта нет.

– Почему нет? А если девочка?– вот эта его уверенность даже раздражала Полину.

– Какая девочка? Ты хочешь, чтоб я поубивал всех вокруг, кто посмотрит на нее?

– Как мило, но анализы сдать придется.

– А ну, иди сюда!

Глава 2

– Сергей, как дела?

– Что именно ты хочешь знать, Немец? Или уже просто Герман Робертович?– Суханов смеялся в трубку, ему явно нравилось стебать Германа.

– Тебе можно, как угодно. Пришло время завязать, уже давно пришло, только я все, как мальчишка, бегал по земному шарику.

– Как Соболь? Привык никого не убивать?

– Если его не занять, он и тут найдет, кому голову свернуть. Как Амиров?

– Борзеет, наглеет, как еще может вести себя зарвавшийся молокосос у власти и денег? Дурь, девки, снова открыл давно запрещенный канал наркоты. Ему всего тридцать, но он со своими отморозками подмял под себя весь участок границы.

– Его стоит опасаться?

– Тебе-то зачем? Ты ведь у нас теперь бизнесмен, уважаемый человек.

– Далеко мне еще до уважаемого, слишком примечательное прошлое.

– Да кто теперь его докажет?

– Доказывать не надо, мне похуй на все доказательства.

– Вот и верно.

Герман отключился, кинул телефон на стол. Кто такой

Амиров? Сука, крыса, что урвал кусок, сейчас он, а завтра другой перегрызет ему глотку. Но от чего такое поганое предчувствие надвигающейся беды? Все ведь хорошо, бизнес, дом, женщина их рядом, ребенок будет. Слишком хорошо. От этого в солнечном сплетении разрастался огромный горящий шар.

Полина четко дала понять, что это ее ребенок и ей ничего от них не нужно. Глупая. Разве теперь они смогут ее отпустить? Да никогда. Из гостиной доносился шум, девушка строгим голосом отчитывала Влада, он даже улыбнулся.

Прикрыл глаза, вспомнил, как она кончила от его касаний, тяжесть ее груди в ладони. Член все еще болезненно ныл, стоя в брюках, Герман так и не решился на секс, не так это должно быть. Она сейчас слишком уязвима, нельзя, вот так просто взять ее на этом столе, как тогда в туалете отеля.

– Сними эти тряпки. Сними, а то разорву.

– Влад!

– Ты уже сто раз повторила мое имя, я хочу, чтоб ты еще столько же кричала его, стонала и просила меня не останавливаться.

– Влад, стой! Стой и слушай.

Полина вытянула руку, она накрыла хищный оскал волка, что был вытатуирован на широкой груди. Под кожей играли мышцы, Влад смотрел на нее, склонив голову, в карих глазах огонь.

– Ты очень темпераментный.

– Я всегда такой.

– Я могу не вынести твоего напора, ты понимаешь, что я не та Полинка, которой была несколько месяцев назад?

– Да все я понимаю, не дурак же.

– Вот если не дурак, так иди сдавай анализы, принесешь справку, тогда мы подумаем.

Влад повел подбородком, позвонки на шее хрустнули, Полина вздрогнула и поняла, что вот сейчас ей никуда не деться.

– Влад, Влад, послушай.

– Я слушаю тебя уже давно, мое терпение лопнуло.

Мужчина начинает расстегивать ремень, звон пряжки. А если он ее отшлепает? Это вообще можно беременным? Валентина Юрьевна говорила что можно, если организму надо. А ей очень как надо.

Она назвала тогда много плюсов, от полезных веществ которые содержаться в сперме, способствующие смягчению шейки матки, а значит при родах она может лучше раскрыться и не будет риска разрыва, до улучшения кровообращения от физической нагрузки.

– Мне надо в уборную.

Полина делает несколько шагов в сторону коридора, совершенно не представляя, где в этом доме туалет, сворачивает налево, лестница. Поднимается, слышит, как Влад идет за ней. Наконец какая-то дверь, ванная, захлопывает ее прямо перед носом мужчины, но, как ни странно, он не пытает-

ся открыть ее.

Так, надо успокоиться, слишком много всего навалилось. Полина осмотрелась вокруг, просторная ванная комната, унитаз, биде, ванна на изогнутых ножках, душевая за стеклянной перегородкой. Все в светлых тонах, на столешнице у раковины живые орхидеи. Зачем двум мужикам орхидеи?

Было дискомфортно от промокшего белья, обернулась на дверь, осторожно сняла трусики, провела по обнаженной плоти пальцами. Надо бы принять душ. Но делать это в чужом доме не очень прилично, пусть это даже и дом ее любовников.

Любовников? Воскресших любовников. Вот и нашлось определение, кто эти мужчины для нее.

Со злости кинула трусики в мусорное ведро, обтерлась бумажными салфетками, умылась. Потом начала рассматривать себя в зеркале, она почти не изменилась за это время, что их не было, только волосы чуть отросли, грудь стала больше. Приложила пальцы к губам, совсем недавно их целовал Герман.

– Ничего, малыш, все будет хорошо,– погладила живот, улыбнулась.

– Чего так долго?

– Влад!– он снова напугал ее, так тихо открыл дверь, вроде она ее закрывала, обнял сзади, тут же накрывая ее руки на животе своими.– Ты постоянно меня пугаешь.

– Не мог больше ждать.

Он убирает ее волосы на одно плечо и тут же скользит языком по шее, от чего Полина стонет. Влад убирает ее руки и гладит выпуклый животик, продолжая целовать.

– Ты такая вкусная и пахнешь иначе.

– Чем?– почти шепотом.

– Сладкой карамелью.

– Не может быть.

Влад не знал, как подступиться к девушке, впервые в жизни он не знает, как быть. Член стоит с самого утра, все белье промокло от предсемени.

– Мой член плачет, как хочет тебя. Ты ведь обманула, что нельзя? Сажи, что обманула.

– Обманула,– изо рта Полины вырывается крик, когда он накрывает грудь и сдавливает ее.

– Дьявол, сними его.

Голова идет кругом, Полину уже не держат ноги. Влад дергает завязки, распахивает платье, в зеркале отражается его взгляд, Полина следит, как он жадно смотрит на грудь, а потом на живот. Это красиво, когда высокий широкоплечий мужчина стоит сзади и накрывает животик сильными руками. Замирает, смотрит на них.

– Ты такая аппетитная, Полинка.

Ее разворачивают, быстро спуская лямки бюстгальтера, освобождают грудь.

– Черт, как же я по ним скучал.

Чуть приподнимает, сдавливает, тело реагирует момен-

тально, грудь за это время стала больше и чувствительнее. Опускает голову и вбирает сосок в рот. Грубые посасывания, легкие укусы, лижет языком, обводя ореол соска. Полина запрокидывает голову, не в силах сопротивляться этим ласкам. Грудь болезненно ноет, она снова возбуждена, лоно наливается влагой.

А потом Влад встает пред ней на колени и целует живот, положив на него руки с двух сторон. Это так интимно и неожиданно.

Внутри него смешанные чувства. Как осознать мужику, который за всю свою жизнь держал в руках только оружие или просто убивал голыми руками, что сейчас в них жизнь? Жизнь его ребенка. Эта девушка сводила его с ума, при первой встрече он хотел обладать ей и не мог насытиться, не мог утолить свой голод. Сейчас происходило то же самое, но в несколько раз острее. Потому что к чувству голода было подмешано что-то еще.

– Почему он такой маленький?

– Малыш небольшой, вот и живот не очень. Он еще растет.

– Почему? С ним что-то не так?

– Врач говорит, все хорошо.

Он скользит рукой вниз.

– Почему ты без белья?– поднимает голову смотрит вопросительно .

– Промокло, сняла,– Полина прикусывает губу, снова

краснеет, как школьница.

Мужчина снова смотрит вниз, проводит пальцами между половых губок, лаская нежные складочки. Сам тяжело дышит, член болезненно дергается.

– Влад.

– Полинка, молчи, а то сорвусь.

Девушка облизывает губы, стонет, когда мужчина давит на клитор. Он так и стоит на коленях с расстегнутыми брюками перед ней.

– Почему ты такая мокрая, Полинка? Ты ведь хочешь меня?

– Аааа…Влад….боже.

Он растирает ее припухшие складочки, давит на упругую горошину клитора, массирует его пальцами.

– Сдохну сейчас, если не попробую тебя. Иди сюда.

Поднимается, быстро подхватывает Полину, усаживая на столешницу, в раковину летят какие-то баночки и тюбики. Она откидывается на зеркало спиной, придерживая животик, Влад раздвигает ее колени, открывая доступ до совершенно ничем не прикрытого лона. На половых губах блестит влага, клитор выделяется.. Полине наверняка достаточно несколько движений, чтоб кончить, внутри все закручивается узлом.

Глава 3

– Как она?

– Спит.

– Ты не перестарался?

– Я, по-твоему, совсем идиот?

Герман промолчал, лишь еще пристальнее посмотрел на Влада. Да, он давно не мальчишка двадцати трех лет, которого он встретил в качалке боксерского клуба. Оказывается, тогда о нем ходила определенная слава, которую он не любил, не любил вообще быть на глазах и с кем-то общаться.

Но вот Соболь, Соболев Влад, титулованный в то время боец, перед которым открывались перспективы и горизонты, решил наплевать на карьеру. Странное было время, тот период жизни Германа был странным, мистическим, что ли. Счастье и горечь потери смешались вместе. Хотелось сдохнуть, но не сдох. Соболя боялся оставить одного, ведь загнал бы мальчишка сам себя в могилу.

– Немец, что не так? У нас проблемы?

– Не должно.

– Учти, я не справлюсь в ресторане, я ничего в них не понимаю. Это совсем не мое.

– Полина тебе поможет. А лучше займись отелем, там она знает больше, ей там будет привычней. И разберись, почему ушла оттуда.

– Из меня хреновый директор отеля, вообще никакой. Я ничего не смыслю в этом.

– Полина все подскажет, пусть руководит она, ты будь рядом. Всегда будь рядом, куда бы она ни пошла. Ты понял?

– Так ты мне скажешь, что случилось? Мне не нравится твоя осторожность.

– Мне самому не нравится, но надо быть готовыми ко всему. Надеюсь, что ничего и не случится.

Герман посмотрел в окно, за ним сгущались сумерки, солнце багровыми лучами освещало макушки деревьев. Охрана незаметно делала обход, ну вот не мог он просто так поселиться, как простой человек, и не ждать удара в спину. К тому же, теперь его голова болела о безопасности девушки и ребенка.

– Ты трогал живот? Это что-то невероятное. Мне вот дохрена уже лет, а я реально в шоке оттого, что происходит. Все не могу поверить, что мы вернулись, что она рядом. Я боюсь спать с ней в одной постели, боюсь навредить. Ты можешь представить, Соболь – и чего-то боится? Я реально пока теряюсь, когда она рядом.

– Она еще не рядом. Ты думаешь, Полина просто так послушает нас и останется жить в этом доме и спать в одной с нами постели? Она сказала, что ей и малышу ничего не нужно от нас, припомнила три тысячи евро.

– Ну, хоть не я один облажался.

Влад помнил, как они уходили, не попрощавшись, по-

смотрел на то, как девушка спала, быстро вышел. В аэропорту пришлось выкинуть сим-карту, разбить телефон, а там было то ее озорное видео, где девушка ласкала себя перед ними. Тогда окончательно сорвало крышу, именно тогда он подсел на нее и уже не мог выкинуть из головы.

А девочка, да, оказалась гордая, не подпускала его к себе, думал, уже сорвется, останавливал себя, чтобы, не дай бог, не сделать больно. А так хотелось дернуть на себя, разорвать это чертово платье, белье, впиться зубами, оставляя синяки на ее теле. Зацеловать до криков, а потом войти одним рывком, почувствовав жар плоти, но нельзя было, сейчас нельзя.

Влад и сейчас не понимал, не осознавал, что Полинка беременна от них. От него или Германа, это уже не важно, это его ребенок, даже теста никакого делать не надо. Это его с Немцем сын. Это их женщина.

– Мы оба можем облажаться, если не убедим Полину остаться.

– Думаешь, у нас не получится? – Влад улыбнулся, подмигнул Герману.

– Утром перевезешь вещи Полины сюда.

– А если…?

– Никаких если, Соболь.

После приезда он все еще был дерганый и хмурый, ночами убивал грушу в зале. Соболю более трудно давалась адаптация в нормальном мире, не надо было никуда лететь, за кем-то следить, переправлять, покупать оружие и общаться

с криминальным миром. Он рвался к ней, а Немец его одергивал.

– Не надо было идти за ней.

– Я уже не мог по-другому. Ты видел того пацана в ресторане? Думал, ушатаю его прямо там.

– Влад, это совсем мальчик, угомонись уже.

Но Влад даже сейчас, после того, что произошло в ванной, не мог угомониться. Он так и не добрался с ней до кровати, хотя спальня была совсем рядом, нужно было сделать всего несколько шагов. Усадив девушку на столешницу, раздвинув ноги, проведя по раскрытому влажному лону несколько раз, зарычал от удовольствия и, опустившись, начал вылизывать ее открытую перед ним девочку.

Полина громко стонала, крики отражались от стен. Засасывая губами нежную плоть, Влад ласкал бедра, обводил клитор языком и снова лизал. Она текла на его губах и языке, а его самого потряхивало от перевозбуждения. Член пульсировал, организм требовал своего освобождения, яйца болезненно сводило.

Тогда не прошло и минуты, Полина замерла на миг, а потом, чуть сведя бедра, зажав голову мужчины между них, начала кончать. Влад думал, что сейчас сам спустит в белье, сдерживал себя, продолжая вылизывать девушку, жадно выпивая ее оргазм.

– Ты сумасшедший.

Полина с довольной улыбкой на лице, с растрепанными

волосами и искусанными губами смотрела на Влада, а он подумал, что вот так всегда должна выглядеть его женщина, румяная, с блеском в глазах и после оргазма. Она сжимала одну грудь, а другой рукой гладила его по волосам.

– Ты охуительная, Полинка.

Снова улыбнулась, отстранила его.

– Поцелуй меня.

Влад быстро оказался рядом, начал целовать, трогая острые соски, а Полина ловко забралась ему в расстегнутые брюки, обхватила внушительный стояк. Мужчина простонал в губы, чувствуя, как она спускает с него белье и чуть сжимает набухшую головку, размазывая по ней капли предсемени.

– Сука, черт….мм…малышка, да, вот так…еще.

Влад толкался ей в ладонь, а Полина, сжав сильнее, натирала ствол, подрачивая член Влада, задевая штангу пирсинга под головкой. Спустилась другой рукой ниже, провела ладонью по гладко выбритым яичкам.

Он часто дышал, сжимая ее плечи, когда начал кончать, посмотрел вниз, стонал, как девчонка. Член дергался, выбрасывал сперму упругими струями, Полина не останавливалась, продолжала скользить вверх и вниз по члену, размазывая по нему сперму. Багровая головка мелькала в ее руке, девушка сбавила темп, но продолжала смотреть на то, как он кончал.

– Нравится? – прохрипел.

– Пошляк.

– Пойдем, я помою твою киску и вылижу еще раз.

– Влад!

Но он не стал дальше ничего спрашивать, затолкал ее в душевую, быстро снимая с себя спущенные брюки. Вода полилась горячим потоком на их тела, Полина лишь закрыла глаза и подставила лицо под ее потоки. Влад скользил руками по ее телу.

– У тебя шикарная грудь, я говорил об этом?

– Нет.

– Снова обманываешь?

– Нет.

– Готов целовать ее вечно.

Сдавил оба полушария, снова опустившись, вобрал в рот по очереди каждый сосок. Член снова стоял, терся о бедро девушки, а она своей открытостью и откровенностью сводила его с ума. Ей безумно шла беременность, такая аппетитная, бедра стали шире, попа упругая, а кожа гладкая, словно шелк.

Глава 4

Полина проснулась оттого, что устала лежать на боку, перевернулась на спину, погладила животик, открыла глаза. В комнате темно, прислушалась, она точно была одна. Откинула одеяло, села и поняла, что совершенно голая.

Влад.

Этот озабоченный самец вымотал ее в душе так, что ноги перестали держать, после очередного оргазма ее изголодавшегося тела накатила усталость. Она теперь быстро уставала, а мужчины, словно сговорившись, решили ее выжать, как лимон. Два оргазма в ванной с Владом и один с Германом – после этого сил не осталось никаких. Волосы еще были влажными, чуть растрепала их пальцами, снова легла, но уже на другой бок, взяв свободную подушку, закинув на нее ногу.

Полина совсем не испугалась, проснувшись в незнакомом месте, знала, что там, в доме, где-то мужчины и ей ничего бояться. С ними не страшно, они сами по себе вызывали трепет и страх, на подсознании. Полина помнит, как на нее смотрел Герман, как замораживал своим взглядом так, что хотелось убежать. А Влад обжигал наглой улыбкой и раздевал глазами. А это его: «Покажи нам свою грудь» в первые часы знакомства. Ну, что за хамло. Хотелось залепить пощечину, но было страшно.

В комнате тепло, приятно пахнет, а ей ведь завтра на работу, ее никто не отменял. Даже их новая встреча не может нарушить ее привычный график. Мужчины пришли и снова ушли, а ей оставаться и растить ребенка. Что будет дальше? Что ее ждет? Полина не хотела додумывать, мечтать и строить планы. Ну, что за бред, вот сейчас они заживут втроем, долго и счастливо, у ребенка будет два отца. Господи, какая-то шведская семья получается. Вздохнула, настроение сразу испортилось, оно в последнее время было, как качели.

Реакция Германа была странная, сначала гнев и недоверие, а потом некий трепет. От него не шло сексуальной агрессии и желания подмять под себя, подчинить, как это было раньше. Полина была удивлена тому, как он держался, а сегодня словно перешагивал через себя, доставлял удовольствие только ей.

Он так ничего и не сказал, мужчины вообще говорят мало, словно она должна была читать их мысли. А вот у нее в голове они цеплялись друг за друга, выстраивались в цепочки, логические и не очень. Было много вопросов, но вот вправе ли она задавать их?

Она теперь что, должна сидеть и ждать, когда они примут решение или поставят ее перед фактом? Может, вообще, визит в этот дом – лишь так, побаловать самолюбие и вспомнить о былом. Некий вечер встреч выпускников. Встретились, вспомнили, как было всем приятно, повторили и разбежались. Но ждать от них она ничего не будет, как бы ни

хотелось любви, заботы, нежности. Как бы она не болела душой, рассчитывать надо только на себя.

Да, обидно.

А эта их реакция на ее беременность. Может быть, сейчас они в шоке, трудно, наверное, переключить мозг от продажи автоматов Калашникова на развивающийся в ней эмбрион их сына. Все мужики по-разному реагируют, кто-то плачет от радости, кто-то уходит в запой, ей вот дали три оргазма.

Она скучала, всегда по ним скучала, до слез и сжимающегося сердца, но запрещала себе думать и расстраивать малыша. Полина снова закрыла глаза, вздохнула. С ними рядом невозможно рационально мыслить, они так смотрят, что мозг начинает плавиться, а тело живет своей жизнью.

В душе Влад долго целовал ее шею и грудь, словно не мог оторваться, на тело волна за волной накатывало возбуждение. Но мужчина так умело останавливался за несколько мгновений до ее оргазма, что уже хотелось выть. Он снова ласкал ее между ног, а потом, прижав к кафельной стене, подняв одну под колено и отведя в сторону, вошел в изнывающее лоно двумя пальцами.

– Господи…Влад…боже…аааа.

Он так бережно делал это, голова шла кругом, а Влад продолжал медленно растягивать влагалище, насаживая на свои пальцы. Он рычал в шею, давил на переднюю стенку, отчего тело колотило. Полина придерживала животик, запрокинув голову, стонала в голос, по их телам стекала вода, душевая

наполнилась паром.

– Такая узкая девочка, да… вот так…сожми меня своей киской, сожми сильнее. Сначала я трахну тебя пальцами, а потом уже мой член войдет в тебя. Ты ведь хочешь, да, Полинка? И не обманывай, что нельзя.

Он не проникал глубоко, но движения стали резче, Полина текла на пальцы Влада, а когда начала кончать, внутри что-то лопнуло, она кончала, царапая плечи мужчины, кричала.

– Охуительная девочка. Моя девчонка. Меня сейчас самого разорвет, как хочу тебя.

Он продолжал целовать, до боли прикусывая кожу, растирая набухший клитор.

– Хочу твой сладкий ротик, безумно хочу,– теперь целует уже в губы, засасывая, пожирая ее рот.

Она тогда опустилась на колени, эрегированный член был прямо перед глазами, провела по нему рукой. Сколько раз она видела во сне, как берет его в рот, как скользит языком по штанге пирсинга и сосет набухшую головку? Много раз. Сотни раз.

Влад словно высечен из камня, шикарное тело, он за эти месяцы стал еще больше, сплошные мышцы. Загорелая кожа, по которой стекает вода, четкие кубики пресса, толстые вены на руке, он проводит ей по ее щекам.

Быстрые движения, без каких либо прелюдий, ей хотелось доставить ему удовольствие. Широко открыв рот, взяла сра-

зу как можно глубже, Влад простонал, толкнулся вперед.

– Да, да…дьявол…как сладко…еще, девочка…еще… глубже. Сука, готов душу отдать за твой ротик.

Она все выполнила, еще и глубже, расслабив горло, взяла член, пирсинг тер язык. Слова Влада заводили, она, прикрыв глаза, делала минет, на коленях, беременная, в душе, своему мужчине.

Во рту уже был вкус его предсемени, но внезапно Влад отстранился, вынул член, покрытый слюной, начал помогать себе рукой, чтобы кончить, но она сделала это сама. Сжала стояк, провела по нему несколько раз, сперма брызнула прямо на лицо, губы, потом на грудь. Влад смотрел сверху, хрипел, Полина чувствовала, как его потряхивало.

– Мммм….да, девочка…сука, Полинка…все яйца мне выжала.

А потом, когда он смывал с ее груди и тела остатки спермы, силы покинули окончательно. Уже смутно помнила, как он ее вытирал, как вынес на руках и уложил в эту кровать. Полина провалилась в сон. И вот сейчас, проснувшись совсем одна, не знала, что думать и как быть.

По-хорошему, надо найти свои вещи, одеться, вызывать такси, уехать домой. Надо быть гордой и независимой, она не просто какая-то дамочка, у которой можно появляться раз в полгода, так ничего и не рассказав, где пропадали и чем занимались. Не скажут, она уверена.

Еще хотелось пить и есть. Ей сказали сегодня на приеме

хорошо питаться, а она занимается только тем, что держит матку в тонусе. Медленно поднялась, обернулась покрывалом, почти на ощупь пошла искать выход, под ногами мягкий ворс ковра.

Рука уперлась в стену, нащупала выключатель, тут же зажмурила глаза, вспыхнул яркий верхний свет. Переключила на нижний, зажглись несколько встроенных лампочек по углам комнаты. Плотно задернутые темно-графитовые шторы, широкая кровать, контраст светлого и темного, в этом состоял весь интерьер комнаты.

А вот кровать реально поражала своими размерами. Наверняка размера кинг сайз. Мебель чуть светлее штор, несколько светлых акцентов, белый ковер, картины на стенах и снова белые орхидеи. Сугубо мужской интерьер, но очень стильно. Напротив кровати две двери, наверное, ванная комната и гардероб, так теперь принято, в хозяйской спальне свой санузел, а между ними большое, от пола до потолка, зеркало. Красиво, ничего не скажешь.

Полина повернула ручку двери и вышла в коридор, увидела тусклый свет в конце него. Деревянный пол блестел лаком, ступням было тепло, она дошла до лестницы, начала спускаться, покрывало скользило за ней белым шлейфом. Замерла на последней ступеньке, прислушалась, в гостиной слышны были голоса.

– Утром перевезешь вещи Полины сюда.

Голос Германа, строгий и холодный, поскреб по нервам,

Полина так и представила, как он стоит, смотрит в окно и отдает указания.

– А если…?

– Никаких если, Соболь.

Кушать как-то сразу перехотелось. Пока она там спит вся такая в сомнениях, нужна ли она и ребенок мужчинам, они все решили. Все решили за нее.

– А если я не захочу перевозить свои вещи, то что?

Вышла, придерживая покрывало, и с вызовом посмотрела на обернувшихся мужчин.

Глава 5

– Ну, чего вы просто смотрите на меня? Я жду ответа. Почему я должна собирать вещи и переезжать сюда?

После сомнений и предположений Полину захлестнул гнев. Эти двое самцов, сидят тут и решают ее судьбу. Да кто они, вообще, такие?

Герман чуть склонил голову, сузил глаза, в правой руке бокал виски, две верхние пуговицы рубашки расстегнуты, рукава закатаны, крыло ворона и перья уходят по коже выше. Полина помнила эту его привычку склонять голову и морозить взглядом, никогда не угадаешь, что у него на уме.

Влад молчал, он так и не оделся полностью, лишь джинсы, и те расстегнутые. Он разглядывает Полину и улыбается своей фирменной наглой улыбочкой.

– А ты не улыбайся во весь рот,– сказала резко и вздернула подбородок.

– Я любуюсь тобой, Полинка. Ты такая сексуальная, иди ко мне. Ты же там совершенно голенькая, да?

– Прекрати.

– Не могу, давай, иди ко мне, я заставлю кончить тебя еще пару раз, и поедем собирать чемоданы.

– Разбежалась!

– Тогда подойду я, и тебе никуда не деться.

– Только попробуй!

На что Влад только громко рассмеялся и откинулся на широкий диван.

Полина хотела упереть кулаки в бока, но длинное покрывало начало сползать, пришлось держать его крепче. До чего он невыносимый, совершенно не слушает ее и не слышит. Герман продолжал молчать, сделал еще глоток крепкого алкоголя, он приятно обжигал горло, член моментально напрягся, как только появилась Полина.

Он хотел видеть ее обнаженной, вот так, при включенном тусклом свете, посередине гостиной, в этом почти пустом доме. Хотел чувствовать ее здесь, знать, что она рядом.

Ее волосы были чуть растрепаны, губы припухшие, на щеках румянец, а в глазах блеск и гнев. Правильный гнев, так им и надо, она еще оторвется на них. Девочка еще не знает и не осознает, какую власть имеет над ними.

– Убери покрывало.

– Что?– Полина не расслышала, что сказал Герман, он так и сидел в расслабленной позе, но теперь держал пальцы у виска.

– Убери покрывало, покажи нам себя.

– Это что, снова какая-то игра? Тогда было “покажи нам титьки”, сейчас что, продолжение? Я ничего не буду убирать и вам показывать. Я найду свои вещи, вызову такси и уеду.

– Полинка…

– И никто меня не остановит, не перебивай меня!

– Не волнуйся, тебе вредно,– Влад, сменил позу, теперь

сел прямо и сложил руки на колени.

– Мне вредно быть одной, было вредно думать, что вы погибли. Я похоронила вас и как-то пыталась смириться с этим. Но вот прошло полгода, и снова вы. Как ни в чем не бывало, живые и невредимые. Снова берете что хотите, не спросив. Я, что, похожа на куклу? Подойди, сними, покажи.

На глазах уже наворачиваются слезы, настроение скачет каждые тридцать секунд. Не хочет показывать им свою слабость, она сильная, она со всем справится. И справится без них, как бы ни было больно и обидно. Герман опускает голову, сжимает кулаки, ни он, ни Влад совершенно не умеют обращаться с женщиной.

Да и как уметь, если такого сто лет не было у них. Их кругом общения был такие же, как они сами, мужики без привязанностей и человеческих чувств. А если женщины, то только для удовлетворения определенных потребностей.

С Кариной было все так скоротечно и быстро, девчонка словно поставила себе цель заполучить его. От неожиданно нахлынувших чувств Герман тогда задохнулся: юная, нежная, страстная, из нее лилась любовь, а он не мог не ответить. Может, то была и не любовь, а чистое помешательство, но продлилось оно недолго, а рана осталась глубокая.

Встал, Полина замолчала и уставилась на мужчину. Герман сделал Владу жест рукой, чтоб не мешал. Медленно подошел, а она крепче сжала на груди ткань покрывала, не понимая, что сейчас будет. В голубых глазах снова морозный

холод, на щеках щетина, Полина только сейчас заметила, что седины на висках стало больше, так же, как и морщинок у глаз.

Что он ей скажет?

Хорошо, одевайся, тебя отвезут домой?.

Да, ты права, нам не стоило возвращаться?

Прости, все это всего лишь ошибка и игра?

Но, как, же тот разговор днем в кабинете? Она ведь помнит, как дрожала его рука, накрывшая живот. Она помнит, как этот невозмутимый мужчин дарил ей оргазм, а потом успокаивал ее дрожащее тело. Как называл ее его желанной девочкой.

Ведь все это не может быть просто так?

Или она ошибается?

Полина совсем запуталась. Вот только она хотела быть гордой, независимой, а сейчас хочет, чтоб он сказал, что она и ее ребенок нужны им. Быть нужной, быть необходимой. Быть любимой.

Любимой?

Разве такое возможно с ними?

Герман останавливается совсем рядом, медленно поднимает руку, убирает волосы с ее лица, слегка задевая кожу. Молчит, скользит взглядом, а Полина, подняв глаза, смотрит в его. Сердце мечется, словно птица в клетке.

– Ты должна остаться.

– Должна?

Полина вспыхивает моментально. Совершенно не такого ответа она ждала.

– Я никому ничего не должна!

Герман вздыхает, лишь на секунду прикрывает глаза. Не думал он, что так сложно ему, взрослому мужику, бедует объясняться с девушкой. Если ты до этого вел беседы на совсем другом уровне.

– Ты не должна, но мы хотим, чтобы ты осталась.

– Почему? Почему… я должна остаться?

Его касания чуть ощутимы, от него пахнет морозной свежестью и крепким алкоголем. А еще бешеная энергетика окутывает ее, сковывая все тело, проникая в каждую клеточку.

– Потому что ты наша девочка, ты ждешь самое дорогое, что может быть – нашего сына. Ты должна быть с ними. Мы должны быть рядом.

Конечно, не таких слов Полина ждала, но и от них по коже побежали мурашки. Слышать о том, что она их девочка в порыве страсти, во время секса – это одно, а вот так, глаза в глаза, совсем другое. Полина облизала губы, судорожно выдохнула. Герман смотрит только на них, фиксирует пальцы на ее щеках, чуть сильнее сдавливает и целует.

Это именно тот поцелуй, которым он клеймил ее. Черный ворон на белой коже, ласкает и наказывает одновременно. Она сейчас такая желанная, до боли под ребрами. Герман понимает, что надо быть нежнее, но так трудно сдерживать

себя. Член сочится, он уже не помнит, сколько у него не было секса, а тот, что был, так, чисто физиология. Голова и мозг были заняты устройством бизнеса и тем, что он постоянно оглядывался назад, опасаясь удара в спину.

Целует долго, жадно, чувствует, как девушка опускает покрывало, цепляясь в его рубашку пальцами. Он сам ослабляет хватку, скользит по ее шее, чувствует, как бьется венка под тонкой кожей. А еще как он готов сорваться, выпустить всех своих демонов, дать им насытиться за такое долгое время.

Сознание накрывает.

Но нельзя.

Не сейчас.

– Герман….аааахххх….постой.

– Да, что, девочка?– стонет сам, хрипит в ее губы.

– Вы снова мной манипулируете, а между прочим я скучала, очень скучала,– упирается в его грудь руками, заглядывает в глаза.

– Мы тоже скучали. Ты веришь?

Глава 6

– Как ты?

– Хорошо.

– Ты уверена?

– Господи, Герман, ты так говоришь, словно я больная.

– Давай, девочка, тогда сама, иначе сорвусь.

Сейчас, на широкой кровати, они оба сводили ее с ума, а Полина была готова сорваться сама, еще тогда, с того самого момента, когда Герман перестал ее целовать в гостиной, а покрывало все-таки упало к ее ногам, открывая девушку полностью для мужчин.

Она лишь округлила глаза, приоткрыла рот и посмотрела на каждого по очереди. Влад чуть подался вперед, но остановился. Герман обжигал взглядом и прошелся горячими ладонями по рукам, сжимая их.

Потом расстегнул свою рубашку, снял и накинул на нее, медленно застегивая каждую пуговку. Снова рубашка мужчины на ее теле, но сейчас он рядом, а Полина также в смятении. В воздухе напряжение, он до того густой от концентрации желания, что трудно дышать.

– Пойдем, тебе надо поесть.

– Но…

Не спрашивая, он потянул ее в сторону, коридор, теплое дерево пола под ногами, Влад шел следом, а Полина смот-

рела лишь в спину Германа. Обрывки крыла на плече ожили, под кожей зашевелились мышцы, а круглые шрамы под левой лопаткой притягивали взгляд. Она так и не спросила, откуда они у него. А еще, о какой больнице говорил Влад и почему он иногда хромает.

Потом, на большой кухне, на которой наверняка должен быть собственный повар, они кормили ее всем, что было в холодильнике. Но было такое чувство, что это она – их поздний ужин, и два хищника готовы сожрать ее прямо тут. Она чувствовала их взгляды, то, как они следили, когда она облизывала губы или пальцы, за тем, как текло молоко по ее подбородку. Полина была словно Красной Шапочкой, а перед ней два серых очень голодных волка.

– Учтите, я еще ничего не сказала, и не надо так пожирать меня взглядами.

Влад только хмыкнул и налил себе крепкого кофе, его аромат заполнил все вокруг.

– И вот не надо так.

– Как, Полинка?

– Вот так, как ты. Вы оба! Прекратите! Я, словно кролик, а вы два удава, готовые меня сожрать.

– Так и есть. Я обязательно сожру твою киску еще много раз.

Герман молча пил кофе, за большими окнами была ночь, а Полину уже тогда начало колотить от возбуждения. Вот они ничего не делают, просто находятся рядом, а она уже знает,

что не сможет им отказать. Не сможет сказать «нет». Она была готова сама подойти к этому молчаливому мужчине, провести по черному ворону рукой, по широким плечам, почувствовать колкость щетины на щеках.

Громкий звон брошенной ложки на каменную столешницу. Полина вздрагивает, Герман встает, быстро обходит стол, подхватывает ее на руки и несет наверх.

– Ну, наконец-то. Немец, я думал, тебя никогда не прорвет.

Герман не слушал Влада, в ушах белый шум, под ладонями обнаженное бедро девушки. Быстрые шаги наверх, комната, широкая кровать, та самая, на которой Полина спала.

– Иди ко мне, девочка,– голос низкий, от него по коже бегут мурашки.

Полина оказывается сверху, а Герман, расстегивая ремень, спускает брюки вместе с бельем, ей приходится встать на колени, чтоб дать ему их снять. Полумрак комнаты, возбужденный мужчина, грудь тяжелеет от возбуждения, а пальцы Германа проходятся по ее промежности.

– Такая мокрая, сними рубашку.

Пальцы дрожат, Полина смотрит лишь в его глаза, сердце гулко стучит в груди. Наконец, последняя пуговица, спускает ее с плеч, а грудь накрывают горячие ладони. Стонет, ведет бедрами, чуть прикрывая глаза. Сама чувствует, какая она мокрая, трется влажными половыми губами о яйца Германа, размазывая по ним свое возбуждение.

Его руки накрывают выпирающий животик, одна спускается ниже, пальцы находят клитор и массируют его по кругу.

– Черт, девочка, потрогай меня,…да…так…еще…сильнее, сожми сильнее.

Полина трогает налитый кровью член, сжимает его, оттягивая крайнюю плоть, обводит крупную головку пальцами, размазывая выделившуюся влагу. Рядом прогибается матрас, Влад встает сзади, между раздвинутых ног Германа, прямо за ее спиной.

Убирает волосы с шеи в сторону, чуть приподнимает грудь, сжимая соски, Полина вскрикивает. Ласки сводят с ума, клитор набух еще больше, грудь безумно чувствительна.

– Девочка, давай сама, иначе сорвусь.

– Что?– Полина словно в трансе.

– Сядь на меня, я могу навредить. Влад, помоги.

– Давай, сладкая, я рядом, сядь своей мокрой киской на его член.

Он так и стоит сзади, придерживает ее за живот одной рукой, а другой ласкает грудь. Полина приподнимается, держит член Германа, скользит головкой несколько раз по раскрытому лону, а потом начинает медленно оседать. Узкие стеночки влагалища плотно обхватываю член, он растягивает их, задевая самые чувствительные точки. Полина громко стонет, опускаясь ниже, заполняя себя им почти полностью.

– Да, милая, да, вот так, умница…еще, я помогу.

Влад шепчет на ухо, придерживая за бедра, помогает на-

саживаться на член Германа, а потом приподнимает ее вверх и снова опускает. Герман часто дышит носом, плотно сжав челюсть, смотрит на нереально сексуальную картину, как девушка, откинув голову, объезжает его член, слишком медленно, слишком мучительно.

Как она прекрасна, высокая грудь, пальцы Влада выкручивают сосок. Она течет от своего желания на его ствол и яйца, безумно узкая, член входит не до конца, а его трясет от перевозбуждения.

Он представил, что когда она родит их сына, с ее грудей будет листья молоко во время секса и оргазма. Эта фантазия выворачивает наизнанку и еще больше срывает его.

– Дьявол, девочка, двигайся…двигайся…еще.

Головка члена упирается в дальнюю стенку влагалища, Полина вскрикивает, мышцы сокращаются. Она увеличивает темп, насколько может, упирается ладонями Герману в грудь. Сзади Влад все так же придерживает ее, его возбужденный член трется о поясницу.

Герман от нетерпения толкается бедрами навстречу, член набухает еще больше, яйца поджимаются, он кончает первым. Полина чувствует это, спазмы удовольствия пронзают тело, она срывает голос, кончает вместе с ним.

Влад, наклонившись, прижимает дрожащее тело девушки к своей груди, лаская животик, опускает руку ниже, трет клитор, продлевая ее оргазм.

– Да, вот так, Полинка, да… черт, сам сейчас кончу от

того, как кончаешь ты.

Он снимает ее с члена Германа, из еще пульсирующего влагалища вытекает сперма, тело не отошло от оргазма. Герман понимает, что он хочет сделать, уходит из-под девушки, а Влад, сидя коленями на кровати с широко раздвинутыми ногами, плавно опускает девушку на свой стояк.

– Да…. Да, девочка, да, Полинка…какая же ты узка. Черт, малышка, как хорошо внутри тебя. Как горячо.

Полина охает от неожиданности, член скользит, легко входит ее растянутое лоно, она смотрит вперед, на то, как Герман, сидя совсем близко, наблюдает за ними. Как он все еще возбужден и скользит по своему члену рукой, который блестит от их общего оргазма.

Головка члена Влада в такой позе упирается глубоко, он так и не отпускает ее животик, целует шею. Толчки не резкие, но глубокие. По вискам Влада стекает пот, мышцы выворачивает.

– Дьявол, сейчас спущу.

Так продолжается какое-то время, Герман смотрит, как Соболь имеет их девочку, как колышется ее грудь, натирает свой стояк, словно и не кончал только что в нее. Разве они могут ее отпустить? Да никогда! Поднимается, не выдерживает, припадает к ее груди. А Полина срывается в свой второй оргазм.

Это что-то фантастическое, чувствовать губы Германа на своих сосках, а кончающий член Влада в своей изголодав-

шейся плоти. И снова теперь уже Герман натирает ее клитор, такой чувствительный, словно оголенный провод. Не понимает, почему мокрые щеки, а Герман целует ее, запрокинув голову и слегка сдавив челюсть. Снова клеймит этим поцелуем, так, что выбора просто нет.

– Чшшш, девочка….все хорошо…чшшш, милая. Мы не можем тебя отпустить. Никак не можем. Видишь, как ты нужна нам.

Глава 7

Силы покинули ее почти сразу, Герман что-то еще говорил, но Полина слышала все слова сквозь накрывающую пелену усталости. Она так вымоталась, эмоционально и физически, все эти волнения и сомнения, ее сопротивление принятым решениям мужчин. А потом секс, безумный, желанный, такой нежный и в тоже время страстный.

Она чувствовала, как Влад вышел из нее, а на белье закапало его семя, смешанное со спермой Германа. Это так порочно, когда двое мужчин кончили в тебя друг за другом, а при этом девушка носит их ребенка. Словно другая реальность, абсолютно незнакомая ей. Ноги не держали, ее уложили на бок, движения, голоса, касания. Откуда в этих суровых и жестких мужчинах столько заботы? Может быть, именно она так влияет на них?

Запах Германа, его грудь, Полина утыкается в плечо, сзади Влад, от него так жарко, что не надо одеяла. Но ее все равно накрывают, Влад убирает волосы, целует, чуть прикусывая мочку уха губами.

– Наша охуительная девочка, только наша Полинка.

Девушка улыбается, Герман смотрит неотрывно, она чувствует это, его рука поглаживает живот, к ней присоединяется рука Влада. Это невероятно трогательно, когда двое сильных мужчин оберегают ее с двух сторон и нежно накрывают

беременный животик.

Кто сказал, что это неправильно? Кто сказал, что ее любовь к ним неправильная? Любовь? Их нельзя не любить, эта любовь смешана с сомнениями, страхами, обидой, но все равно любовь. Иначе быть не может, только от любви мог начаться их сын, после предательства первой любви и совершенной ошибки.

– Уснула.

– Ты думаешь, она останется?

– Мы должны сделать все, чтоб осталась. Ей нельзя просто так одной разгуливать по городу, и тем более садиться за руль. Пусть отдохнет, утром поедем в отель, наведем там порядок, без предупреждения.

Герман, держа руку на животе, смотрел на спящую девушку, говорил тихо, чтоб не разбудить.

– Не проще ли просто запереть ее здесь?

– Ты хочешь нервов и сопротивления? Соболь, ты хочешь войны и протеста? Полина слишком независимая и гордая. Пусть займется отелем, ей нравится это, будь рядом, у меня дела. Беременность – не помеха, пусть сидит там, в тепле, перебирает бумажки, без лишних эмоций. За пределами дома ее безопасность теперь твоя забота.

– Ты думаешь, еще ничего не кончено?

– Не знаю, надо быть начеку, теперь, когда у нас есть слабое место, о нем узнают непременно. Мы должны землю рыть, убивать любого, кто тронет ее. Любого, кому хватит

смелости посмотреть в сторону девушки и нашего сына.

Влад откинулся, выключил нижний свет, комната погрузилась в темноту. Думал ли он еще месяц назад, что жизнь повернет в таком русле? Конечно, нет, он просто хотел видеть Полинку, хотел трогать ее идеальную грудь и слышать стоны. Но в ту тоску по ее телу было подмешано много другого, ему непонятного, с которым надо разбираться.

Когда она сказала о беременности, решил, что шутка, хотя он даже шуток таких не знал раньше, у него давно никого нет, ни друзей, ни родных, только Герман, как часть его самого. Он с двадцати лет один, да, была младшая сестренка, три года они были одни, предоставленные сами себе. После той зимней ночи, когда загородный дом взлетел на воздух, раскидав на сотни метров по округе их былую счастливую жизнь.

Влада тогда задержал тренер, говорил о новой программе подготовок к чемпионату, что будет весной. Он приехал именно тогда, когда зарево пожара освещало макушки леса за коттеджным поселком. По трассе новенький спорткар, подаренный отцом за очередной титул, обогнали несколько пожарных машин и скорых. Но и мысли не возникло, что все эти бригады неслись тушить и спасать тех, кого уже не вернуть.

Каринка стояла, как застывшая статуя, посередине кромешного ада, пепел от пожара покрывал ее голову, она просто смотрела вперед, по щекам текли слезы. Он тогда просто

потерялся, не верил, что это горит их дом, там его сегодня ждали.

– Карина, маленькая, что случилось?

Влад тряс ее за плечи, пытаясь узнать, где родители, что, вообще, произошло.

– Я пошла гулять с Кексом, он убежал, вырвал из рук поводок и понесся в лес, как дикий. Он постоянно оборачивался на меня, лаял и уходил дальше по той тропинке,– Карина протянула руку и показала собачий поводок.– А потом был взрыв. Их больше нет?

Она так открыто посмотрела, резанув этим взглядом по сердцу. Тогда истерика накрыла Карину позже. Когда полиция взяла показания, когда психолог спрашивал о самочувствии, она все отвечала четко и ясно. Владу было страшно, реально, так страшно впервые. Дома, в городской квартире, организм отпустил эмоции, Карина рыдала три дня до самых похорон тех останков, что остались от их родителей.

Лабрадора, подаренного Карине на шестнадцатилетние, нашли в лесу с перерезанным горлом, Влад сказал ей, что он сбежал. Не поверила. Александра и Ирину Соболевых похоронили в одной могиле. На кладбище в тот день было яблоку упасть негде, представители власти, бизнес элиты и криминала. Все знали Александра Соболева, все знали, но кто убил, так и не нашли.

Соболь нашел, через пять лет. Нашел и наказал. Исполнителей и заказчиков, когда стал чуть опытнее и умнее, когда

Немец хоть чему-то научил. Но вернуть семью и ту жизнь, полную надежд и планов, уже было невозможно. Тяжело терять, очень тяжело, как бы ты не старался, но это невыносимо. Родители, через три года Карина, Немец винит себя, съедает себя живьем изнутри, он видит это каждый день. Но Влад-то знает, он не виноват, виновные уже наказаны, их давно сожрали черви.

– Влад…Влад.

Перед его глазами снова то огненное зарево их дома, вой сирен и слезы Карины. Кто-то трясет его за плечо, он резко просыпается, словно выныривает из ледяной воды. Хватает руку, что его трясет.

– Влад, больно.

Полина сидит, глаза привыкли к темноте, Влад, сидящий перед ней, тяжело дышит и крепко держит ее запястье.

– Что?

– Влад, все хорошо?

– Полинка.

– Да, это я. Ты стонал во сне и дергался.

– Бывает.

Влад отпускает руку девушки, Полина трет запястье, в комнату сквозь плотно закрытые шторы уже пробивается тусклый солнечный свет, она с трудом, но замечает, как он взволнован.

– Иди ко мне,– мужчина тянет ее на себя, но Полина отстраняется.– Что не так? Я сделал тебе больно? Ударил?

– Нет, просто надо в туалет.

Полина оборачивается, Германа нет, даже не слышала, как он ушел. Двигается к краю кровати, Влад так и смотрит на ее, а Полине становится неловко. Вот только вчера она была совсем открыта и обнажена перед двумя мужчинами, кончала от их рук, губ, членов, а сейчас ей неловко.

– Не смотрит так.

– Ты не видишь, как,– смеется.

– Я чувству.

– Я буду смотреть на свою женщину, как хочу и сколько хочу.

Полина встает, ищет под ногами брошенную вчера рубашку Германа, но так и не находит. Поднимается и идет, совершенно обнаженная, в сторону ванны. В этой она еще не была, более просторная, с двумя раковинами, черным кафелем и белым мрамором. Полотенца и халаты тоже все черно-белые. Снова большая ванная, и просторная душевая за матовым стеклом, унитаз, биде.

Жутко хочется в душ, тело липкое от пота, между ног влажно, сперма мужчин все еще в ней и на бедрах. Теплый поток воды расслабляет мышцы, она стекает по волосам, груди. Полина совсем потеряла счет времени, казалось, что прошло несколько дней, наверняка, Илона ее потеряла, телефон в сумочке, сумочка неизвестно где.

Неужели она примет их предложение и останется в этом огромном доме? Надо подумать, хорошо подумать. Полина

замерла на месте, приложила руку к животу и улыбнулась, малыш пошевелился.

– Да, мой милый, у мамочки все сложно.

– С кем ты разговариваешь?– мужчина, оказавшись вместе с ней в душе, целует в плечо и накрывает руками живот.

Полина смотрит вниз, черный ворон, его пронзительный взгляд, некая мистика. Малыш снова шевелится, словно чувствует, кто рядом, а мужчина сзади перестает дышать.

Глава 8

Кто сказал, что нельзя почувствовать счастье? Когда вот оно, под твоей ладонью. Теплая вода, гладкая кожа, Герман перестает дышать, а сердце ломает грудную клетку гулкими ударами. Прижимается крепче, ведет по плечам другой рукой.

– Напугал тебя?

– Все не могу привыкнуть, что вы всегда неожиданно появляетесь.

– Выспалась? – спрашивает в самое ухо, чуть задевая мочку с маленькой капелькой сережки–гвоздика.

– Да, я всегда встаю рано, малыш будит, – она откидывается мужчине на грудь, его рука все еще гладит животик, а дыхание обжигает. Горячая вода стекает по их телам.

Герман возбужден, очень возбужден, но сейчас именно такой момент, когда хочется совсем иного. Хочется стоять так очень долго, чувствовать своего сына. Он не представляет, что с ним будет, когда тот родится. Железная скала Герман Браун рухнет осколками к его колыбели, это случится неизбежно, он это знает.

Ему сорок пять, а он только вчера в кабинете понял, что их с Соболем жизнь не то что изменилась кардинально, она перевернула сознание полностью. Не думал, не ждал, даже мысли такой не было, чтоб осесть, завести дом, детей, соба-

ку.

– Хочешь, купим собаку?

– Собаку? – Полина не понимает, о чем он.

– Да, большую такую, будет тебя охранять.

– От кого? – Полина улыбается и накрывает руки мужчины своими.

Герман не отвечает, разворачивает ее к себе лицом, всматривается в глаза, а у самого в них полыхает огонь и столько боли, что Полина теряется.

– Что? Что такое, Герман?

Он снова не отвечает. Он не хочет ее пугать, не может сказать, как ему больно от одной мысли, что с ней или с ребенком может что-то случиться. Не передать словами, как эта мысль обжигает сознание, разъедая кислотой все внутренности, до самых костей. Он чувствует это физически, и эта боль в сотню раз сильнее той, что была пятнадцать лет назад.

Полина растеряна, у мужчины такой взгляд, от которого почти леденеет сердце.

– Прости, девочка, я тебя пугаю.

– Ты очень часто меня пугаешь, я совершенно не знаю, какой ты настоящий.

– Я сам забыл, какой я настоящий. Скорее, даже и не знал.

– Но я так хочу узнать,– Полина гладит его по лицу, проводит пальчиками по мокрым ресницам.

Несколько почти невесомых поцелуев, а потом жесткий. Он впивается в ее губы, целует, словно вынимает душу. Ды-

хание сбивается, грудь накрывает широкая ладонь, пальцы сдавливают сосок, Полина стонет, ей не хватает воздуха, не хватает всего Германа, и в то же время его слишком много.

Герман прерывает поцелуй, прислонясь лбом к ее лбу, часто дышит. Ему так трудно держать себя в руках, быть более нежным, каждый раз одергивает себя, сдерживая свой голод по этой девочке, удерживая с трудом своих демонов.

У Полины самой сердце готово выпрыгнуть, грудь давно отяжелела от возбуждения, соски болезненно ноют. Она хочет этого мужчину, здесь, сейчас, лоно давно влажное, внутри болезненные спазмы желания. Проводит руками по широкой груди, ниже, туда, куда стекает вода. Под пальцами дорожка волос, уходящих в пах, налитый кровью возбужденный член.

Сжимает толстую голову, оттягивая крайнюю плоть, проводит по стволу несколько раз.

– Не надо, девочка.

– Хочу, сама хочу тебя.

– Могу навредить, – хрипит от остроты ощущений, от того, как Полина его ласкает, как подрачивает его изнывающий член, обводит головку, опускается к яичкам, лаская их.

– Не навредишь. Не сможешь.

Полина реально хочет его, хочет почувствовать его вкус, вобрать толстый ствол в рот, как тогда, снежной февральской ночью. Хочет чувствовать власть над этим мужчиной. Целует его шею, туда, куда может дотянуться, спускается ни-

же по груди, обводит сосок языком, все это время продолжая мастурбировать Герману.

Быстро опускается на колени, не давая мужчине возразить, уже более настойчиво сжимая член двумя руками, облизывает головку, тут же обводя ее языком, берет в рот. Герман смотрит вниз на то, как Полина, помогая себе рукой, лаская яйца, делает ему минет. Дыхание хриплое, он расставляет ноги чуть шире, гладит девушку по голове, от этой картины реально срывает крышу.

А Полина понимает, что это все уже было, совсем недавно, только с другим мужчиной, она так же стояла на коленях и ласкала ртом член Влада.

– Безумная девочка, иди ко мне, не могу больше.

Герман отстраняется, быстро поднимает девушку с колен, целует в губы, разворачивает к себе спиной.

– Останови меня, если будет больно.

Полина опирается о кафельную стену рукой, Герман скользит по спине, ягодицам, между ног, натирая чувствительную плоть, задевая клитор. Вода стекает по их телам, девушка стонет, когда мужчина проводит по половым губам головкой члена, а затем толкается. Он медленно входит в нее, растягивая, насаживая на себя.

– Боже мой…аааа….Герман….ааа.

Полина стонет, крупный член входит глубже, Герман, сжав челюсть, бережно толкается, стараясь не делать резких движений. Но безумно хочется сорваться, сжав ягодицы до

синяков, войти по самые яйца.

– Дьявол, девочка, какая же ты узкая, какая горячая.

– Герман, глубже…да…еще.

– Не проси, милая.

– Герман…еще…аааааа.

Полина задыхается от ощущений, ей надо, чтобы он двигался, еще, сильнее, глубже. Герман сжимает ее грудь, так мучительно остро, соски затвердели, по телу стекает вода. Помещение наполняют стоны, хрипы, шлепки. Герман входит почти полностью, его член обхватывают эластичные стеночки влагалища.

– А, Герман…господи, – Полина кричит, Герман придерживает ее животик руками, чуть приседая, меняя угол проникновения, так глубоко как она просит, чувствует приближение ее оргазма.

Самого выворачивает наизнанку, в висках стучит пульс, Полина кончает на его члене, пульсирует, сжимает его изнутри. Она начинает оседать на пол, тело бьет оргазм, Герман выходит из нее, член блестит от смазки темно-багровой головкой, ему необходимо кончить.

Он садится на дно душевой, усаживая Полину сверху, как ночью на кровати. Сразу на изнывающий от желания член, Полина упирается в грудь руками, пытаясь прийти в себя после оргазма.

– Да, девочка, вот так, – помогает ей, приподнимая за бедра.

Полина царапает ему плечи, чувствует, как он напряжен, как бьется венка на виске, целует, Герман врывается языком ей в рот, стонет. Кончает долго, изливаясь, пульсируя. Оргазм отпускает медленно, он весь еще в ней, Полина слегка раскачивается, гладит по щекам. Так приятно ощущать внутри себя его возбуждение, так тепло и безумно влажно.

– Тебе не больно? – спрашивает, убирая прилипшие волосы с лица девушки.

– Нет, ночью было необычно, скорее от того, что я совсем отвыкла от секса за эти месяцы.

– Я пытался быть аккуратным.

Наконец снимает Полину со своего члена, усаживая на себя боком, чтобы не давить на живот, начинает его гладить. А Полину снова переполняют эмоции, она не может оторвать взгляд от черного ворона на кисти.

– Я бы хотел попросить тебя.

– О чем?

– В отеле надо навести прядок, возьмешься?

– В каком отеле?

Полина не понимает, о чем говорит мужчина, даже не пытается сосредоточиться.

– “Империал”.

– Какой? – Полина посмотрела внимательно в глаза Германа, решив, что он шутит, но мужчина был как всегда серьезен. – Тот самый “Империал”, мой “Империал”?

– Да, теперь он твой.

Глава 9

В просторном холле гостиницы “Империал” стояла гробовая тишина. Полине казалось, что если залетит муха, то она непременно услышит ее жужжание. Весь персонал, находившейся в этот час на смене, был собран, двери закрыты, не было видно даже постояльцев.

Утром Герман совсем сбил ее с толку, она, как маленькая, не могла сообразить, о чем он говорит, а когда, наконец, дошло, то смотрела на него такими глазами, что мужчина заволновался. И правду говорят, что в период беременности женщина думает совсем о другом.

– Так ты тот самый таинственный владелец отеля? Немец, о котором все говорят и которого никто никогда не видел? Точно, Немец. Ведь это так очевидно, с ума сойти.

– Словно Санта Клаус, – Герман тогда улыбнулся и поцеловал удивленную Полину в губы. – Считай, что я твой личный Санта Клаус.

– Но…

– Так, Полина, никаких «но», собирайся, завтракай, и тебя ждут новые владения.

– Но я ведь беременна, – она демонстративно показала на свой живот.

– Совсем недавно тебе это никак не мешало и нисколько не останавливало. Не хочешь – останешься дома. Останешь-

ся в этом доме. И это не обсуждается. Разведи сад, займись вышивкой.

– Вышивкой? Ты смеешься?

Сказал, как отрезал, ей нечего было возразить, к тому же надо было о многом подумать. Но подумать ей так и не дали, точнее, мысли путались. Влад постоянно ходил перед ее глазами полуголый, сыпал пошлыми шутками, Герман просто молча пил кофе, а она потом всю дорогу домой перебирала в памяти свой гардероб. С ее пикантным положением он понес некие изменения.

После быстрого завтрака, который непонятно кто приготовил, мужчины не дали ей осмотреть дом, а торопили так, словно они куда-то опаздывают. Влад увез ее в ее квартиру, ее любимая машина стояла у подъезда, ведь она так и осталась тогда у парка. Дал ей время собраться и со словами о том, что они едут делать революцию, привез в «Империал».

И вот гробовая тишина, холл гостиницы, где ей знакома каждая ваза и каждая царапина на стойке администратора, откуда она уходила с болью, но облегчением, на нее смотрят несколько десятков пар глаз. Полина в облегающем платье цвета спелой вишни, сверху жакет, прикрывающий животик, но он никак не скрывает ее положение.

Справа от нее Влад, сцепив руки сзади, широко расставив ноги, со скучающим видом смотрит на собравшийся персонал. Снова одет во все черное, с небритой щетиной, которая придает ему еще более грозный вид, хотя, куда уж больше.

Слева Герман, на нем тоже черная рубашка, брюки и пиджак. Два ее собственных черных ангела и демона порока одновременно.

Он делает легкий кивок мужчине, стоящему около него.

– Герман Робертович, все готово, как вы и просили. Здесь все необходимое.

Полина видела этого мужчину раньше, он несколько раз останавливался в их гостинице. Странный такой, неизменно в клетчатых костюмах, как и сейчас. Небольшого роста, он говорил с акцентом и постоянно поправлял очки. Сейчас он передал Герману папку, тот раскрыл ее, пролистал пару страниц, кивнул, снова вернул ее мужчине.

А Полина чувствует на себе два пристальных и липких взгляда. Как раз напротив нее, на расстоянии всего нескольких метров, стоит Валентин. Он нисколько не изменился за эти месяцы, тот же надменный взгляд, но сейчас к нему подмешана зависть и что-то еще. Чуть дальше от него Елена, та самая, бывшая горничная и нынешний администратор, или может у нее сейчас совсем другая должность.

Елена с интересом, чуть приоткрыв рот, рассматривает Германа и Влада, она, конечно, их узнала, их нельзя не узнать, их невозможно забыть. В ее глазах любопытство и, что это – желание? Полина глубоко вздыхает, поворачивает голову, смотрит в отражение зеркал, что висят на стенах, видит свое бледное лицо.

– Дамы и господа, наверняка всем давно интересно, кто

же является владельцем сети отелей “Империал”, так вот, я рад вам представить его, Браун Герман Робертович, а с сегодняшнего дня, вашего директора и его представителя Самойлову Полину Викторовну.

Полина такого не ожидала точно, она повернула голову, впиваясь взглядам в Германа, но тот словно и не замечал ее, смотрел на собравшихся людей.

– В принципе, это все. Все свободны и могут приступать к своим прямым обязанностям.

Но никто не сдвинулся с места.

– Если кто-то не хочет работать, вы знаете, где дверь, – эта была издевка Влада.

Народ тут же засуетился, горничные с громким шерпом поспешили по своим делам, администратор, глядя с любопытством на компанию из трех мужчин и женщины, ушла за стойку, к ней присоединилась Елена, все так же смотря на Полину липким взглядом. Валентин стоял, как приклеенный.

– Пойдем, у тебя есть свой кабинет. Ты знаешь, где кабинет директора?

Влад подталкивает девушку к лифту, а у Полины не шли ноги. То, что сейчас произошло, она никак не ожидала, они могли бы хоть предупредить ее, ведь не девочка.

– Герман?

– Что? – он даже не смотрит на нее, что-то набирает в телефоне, хмурит лоб.

– Я не поняла, это что, шутка?

– Где?

– Все это? Герман! – громко шепчет, дергая его за рукава пиджака.

– Нет, девочка, это не шутка. Иди, управляй, у меня дела.

– Но….

– Соболь, головой отвечаешь, ты меня понял?

Тот лишь кивнул, Полина по очереди смотрит на мужчин. Это что, заговор такой? Сначала тот здоровый дом, потом, мол, собирай чемоданы, ты переезжаешь, а теперь она директор отеля?

– Не учи ученого.

– Вот и отлично, до вечера. И да, вещи можешь не собирать, купим новые.

– Ты и это за меня решил?

Полина сузила глаза и придвинулась к мужчине ближе, тот чуть заметно улыбнулся, никак не отреагировав на ее выпад. Ему нравилась такая ее реакция, хотелось впиться в ее припухшие губы, выбить стон, ощутить тяжесть груди в руке.

– Я расскажу вечером, что я еще решил.

Это было сказано так, что по телу пошла дрожь, Герман развернулся и быстро вышел с тем мужчиной в клетчатом костюме. Полина посмотрела на Влада, тот подмигнул, девушка лишь покачала головой и пошла в сторону лифта.

Персонал разошелся, охранник в строгом костюме делал вид, что их не замечает, молодой парнишка-портье смотрел

во все глаза, девушка за стойкой с любопытством, Елена куда-то пропала, а вот Валентин так и стоял на месте.

– Полина Викторовна, не ожидал. Можно с вами поговорить? Желательно наедине. Так сказать, обсудить некоторые рабочие моменты.

– Конечно, Валентин Михайлович, мы непременно обсудим все рабочие моменты, как только я разберусь с этими моментами. А сейчас принесите мне всю документацию за последние три месяца.

Полина не собиралась прогибаться, делать поблажки или показывать свой, пока еще растерянный вид. Да, все, что сейчас происходило, было неожиданно. Ее беременность, появление Германа и Влада, отель, ее новое назначение, но она именно этого всегда хотела. Хотела быть нужной, важной, полезной, хотела руководить, училась этому несколько лет.

И что самое удивительное, Герман доверил ей своей отель, несмотря на ее положение, ведь любой другой мужчина считает беременную женщину чуть ли не больной. Конечно, она и сама понимает, что не сможет отдавать все силы, но попробовать очень хочет. Она точно не сможет просто так сидеть дома, разводить розы и вышивать. Господи, какой бред. Она чувствует себя прекрасно, до рождения ребенка еще несколько месяцев, она все успеет, с такими мужчинами, как у нее, ей любое море по колено.

К тому же. женское самолюбие и гордость никто не отменял. Полина постарается быть дипломатичной с Валенти-

ном, но указать на его недочеты в работе, которые она замечала раньше, просто обязана.

Глава 10

– Так, только не расстраиваться, только не расстраиваться. Нам нельзя расстраиваться, никак нельзя. Да, малыш? Никак нельзя.

Полина брызгала холодной водой из крана на лицо, пыталась успокоиться. В ее новом кабинете, который был до этого закрыт, сколько она помнит, пока работала в гостинице, был свой санузел, что радовало. Не пришлось бежать через весь коридор, чтобы побыть одной и привести себя в чувства.

Прижала холодные руки к горящим щекам, в глазах лихорадочный блеск и слезы, сердце все еще отбивает неровный ритм.

– Господи, что же будет, если узнает Герман?

Нет, об этом думать не хотелось. Да уж, вот и потешила свое самолюбие.

Как только они с Владом поднялись на нужный этаж, взяв ключ от кабинета у администратора, ему позвонили, мужчина вышел. Полина прошлась по мягкому ворсу ковра, провела рукой по гладкой поверхности стола. Ровный слой пыли под пальцами, спертый воздух, захотела открыть окно, но не смогла. Даже если в номерах никто не заселился или кабинеты стояли пустыми, в них все равно должна производиться уборка, вот еще один минус управления Валентина.

– Разрешите, Полина Викторовна?

Он как раз появился на пороге кабинета, как раз в тот момент, когда Полина потянулась, чтобы одернуть шторы. Мужчина так и замер с папкой в руке, глядя на ее выпирающий живот.

– Ты что, беременна?

Он начал тыкать папкой в ее сторону, на лице выражение недоумения и некой брезгливости. Полине это не понравилось.

– А я думал, мне показалась, и ты просто поправилась.

– Нет, тебе не показалось, – ответила резко, скрестив руки на груди. Но больше всего захотелось прикрыть живот от этого человека, чтобы он прекратил пялиться на нее.

– А как же все твои разговоры и откровения о том, что ты не можешь иметь детей? Та печальная история о первой любви и аборте? Это все была ложь, чтобы просто избавиться от меня или как-то разжалобить?

Меньше всего сейчас хотелось говорить об их старых отношениях и объяснять то, чего Валентину все равно не понять. Ну как объяснить, что ее ребенок именно от того мужчины, от которого он и должен быть. Не важно, Герман это или Влад, они ее мужчины, а Валентин не ее. Может быть, именно поэтому по воле кого-то свыше все получилось?

– Я не собираюсь ничего тебе объяснять, думай, как хочешь. Я здесь не для разборок, я – твой директор, так что, Валентин Михайлович, будьте добры соблюдать дистанцию и выбирать выражения.

– Ах, даже так? Как ты заговорила, что, появились влиятельные покровители?

– Мы или будем говорить по делу или вообще никак.

Мужчина медленно подошел ближе, прожигая ее взглядом, кинул папку на стол, отчего на солнце закружили частички пыли. Полина проследила за ними, бросает тут же тревожный взгляд на Валентина. Его лицо искажено гримасой злобы, губы поджаты.

– По делу, говоришь? Да кто тебя воспринимать здесь будет как директора? Да ты ничего не стоишь. Я думал, Полина умная баба, красивая, умеющая себя преподнести, даже, дурак, предложил выйти замуж. А оказалось, ты такая же подстилка, каких сотни, дешевая шлюха, а, нет, пардон, не дешевая. С кем из них ты спишь? Кому отсасываешь? Может, обоим сразу?

– Да как ты смеешь? Ты сам, как дешевая шлюха, которая тянется к таким же дешевым! Все это напускное приличие просто фантик, фольга, сорви ее и увидишь гниль.

Полину прорвало, она не собиралась молчать, когда какая-то мразь, сдавшая ее мужчин, а ведь это точно Валентин, он рассказал зимой тем двум странным гостям, что Герман в отеле.

– Это ты сдал Германа, а тебе рассказала Ленка.

– Ну, ты же ничего не сказала, уже тогда стояла перед ними на коленях и отсасывала, как последняя шлюха. А ты знаешь, кто они вообще такие? Знаешь, чем занимаются? Они

убийцы, наемники в костюмах и решившие стать порядочными людьми, у них руки в крови.

– Это не твое дело!

Валентин громко рассмеялся девушке в лицо, таким больным, полным злобы и желчи смехом. Потом посмотрел, схватил за руку, больно сжав запястье, дернул на себя, а Полине стало страшно. Страшно, что вот сейчас он ударит ее и хорошо бы по лицу. Полина начала вырываться, прикрывая живот, Валентин наступал, почти вдавливая ее в подоконник.

– Не трогай меня! Отойди!

– А то что? Что ты мне сделаешь? Я ведь могу рассказать, что это ты от меня беременная, а не от одного из них. Как они на это отреагируют? От кого ты залетела, говори!

– Ты совсем больной!? Какую чушь ты несешь? Валентин, отпусти!

– Ты думаешь, им нужен твой ублюдок? Интересно, ты как, по очереди или одновременно давала им во все свои дырки?

Полина не узнавала всегда сдержанного и интеллигентного Валентина, это был другой человек. Глаза горели лихорадочным блеском, он до такой степени сжал ей руку, что казалось, сейчас сломает. На глазах навернулись слезы даже не боли, а обиды. От его мерзких и поганых слов.

– А сейчас я буду трахать тебя во все дырки и не членом, а твоей рукой, которую вырву.

Полина вздрогнула, за спиной Валентина стоял Влад, гла-

за злые, его рука сжимается на плече, выкручивая сустав, от чего Валентин кричит не своим голосом. Казалось, что вот именно сейчас он вырвет ему руку, как и обещал.

Влад разворачивает его к себе, несколько движений, Полина не успевает ничего сообразить, лишь часто моргает, слезы текут по щекам. Она реально слышит хруст костей, такой громкий, что по спине бежит мороз.

Валентин снова кричит на весь кабинет, падает на пол и замолкает. Он что, убил его?

– Влад? Влад?

– Погоди, Полинка. Сука ебучая, тварь! – несколько ударов кулаком по лицу, брызжет кровь. Он склоняется, хлопает Валентина по щекам. – Очнись, сука, я еще не закончил. О, хорошо, больно, да? Если ты еще раз подойдешь к моей женщине и обидишь ее, я вырву тебе пару ребер. Ты, сука, понял меня?

Валентин бледен, как стена, подбородок залит кровью,болевой шок вырубил его на несколько секунд, он блуждает испуганным взглядом по комнате, но Влад трясет его, поднимая на ноги.

– Ты, тварь, понял меня?

– Да, да…понял,– кивает головой, кровь капает на светлый ворс ковра.

Снова хватает его, бесцеремонно тащит по кабинету, открыв дверь, с силой вышвыривает из кабинета, закрывает дверь, из коридора слышен шум и женский визг.

Полина, прижав руки к животу, всхлипывает, но старается не плакать, держать себя. Быстро идет к другой двери, там уборная, хочется помыть руки от прикосновений Валентина, отмыться от его обидных, грязных слов. Ведь это совершенно не так, она не подстилка, не шлюха, а ее ребенок не ублюдок.

– Так, только не расстраиваться, только не расстраиваться. Нам нельзя расстраиваться, никак нельзя.

Но холодная вода не помогает, слезы текут сами, из груди вырывается всхлип, зажимает рот рукой, дает волю эмоциям.

– Полинка, ты…черт, что случилось? Он сделал тебе больно? Он ударил?

Фигура Влада, как размытое пятно, из-за слез ничего не видно. Он разворачивает ее, Полина лишь чувствует его горячие ладони на плечах, потом на лице, он вытирает щеки.

– Нет, но…но его слова, это так обидно. Ведь это не так… это неправда.

– Тихо, милая, тихо, тихо, девочка.

Влад прижимает Полину к себе, самого все еще колотит от увиденной сцены, от того, как этот кусок дерьма хватает его женщину за руку, несет чушь, из-за чего она сейчас плачет. С каким упоением он ломал ему руку, этот хруст – самое лучшее, что он слышал после стонов Полины во время оргазма. Он убьет за нее, убьет любого, кто тронет, скажет или косо посмотрит в ее сторону.

Убьет и закопает голыми руками, как он это сделал с теми, кто убил его семью, как они сделали это с Германом, с теми, кто нажал на курок, чья пущенная пуля остановила жизнь Карины.

Девушка тихо всхлипывала в его руках, прижимаясь всем телом, он спустился на пол, усаживаясь на пороге небольшой уборной. Гладил по волосам, думая, что весь этот отель и нахождение здесь Полины плохая идея. А еще о том, что сказал эта мерзкая крыса Валентин, что она не знает, кто они с Германом такие, совсем ничего о них не знает.

Что будет, если Полина поймет, что мужчины, с которыми она делит одну постель, ребенка которых носит, в прошлом наемники, убийцы и торговцы оружием? Что их руки на самом деле в крови, а души черны.

Глава 11

– Ты плакала?

Здоровый внедорожник летел по загородной трассе, в салоне играла тихая музыка, Полина отвернулась от Германа, посмотрела в окно автомобиля. За ним мелькали деревья, их листву еще не тронули яркие краски надвигающейся осени, хотя через две недели сентябрь. А там самая настоящая осень, срок родов поставили на середину ноября, а Полина вот решила окунуться в работу, поставить всех на место вместо того, чтоб выбирать ползунки и погремушки.

Мужчина сжал ее ладонь, заставляя повернуться, но Полина не хочет. Он сразу все поймет. Поймет, что она плакала, его не обманешь никакой натянутой улыбкой. Влад сидит за рулем, смотрит на нее через зеркало заднего вида, он весь оставшийся день почти не отходил, словно она хрустальная и может рассыпаться. А потом совсем заставил потерять голову.

Полина решила, что все ее обостренные эмоции -это все на фоне бушующих гормонов и перестройки организма. То гнев, то слезы, то сексуальный голод.

Инцидент с Валентином пошатнул нервную систему. Ей казалось, что в ушах до сих пор стоит хруст его костей и истошный крик. Не думала Полина, что в нем столько злобы и ненависти. Не думала, что окажется настолько впечатли-

тельной барышней. Но дело не в сломанных костях, больше всего ее задели слова. Ее никогда не называли шлюхой или подстилкой, она могла сама на себя повесить такой ярлык после самоанализа, но чтоб кто-то, такого не было.

В конце дня, когда все вроде бы успокоились, но по коридорам отеля витал запах перемен и все обсуждали утренний случай, Полина вышла, чтоб взять из кабинета уже бывшего управляющего документы. В конце коридора у высокого окна стояли Елена и Влад. Она тогда хотела быстро уйти, давила кнопку лифта, который все не ехал, а внутри нарастала ревность.

Полина повернулась в их сторону и уже не могла заставить себя отвернуться. Влад стоял, широко расставив ноги, руки в карманах брюк, голова чуть наклонена. Ленка напротив, запрокинув голову, что-то говорила, глядя мужчине в лицо, а он просто молчал.

Девушка волновалась, заламывала пальцы, потом кокетливо поправила белокурую прядь, выбившуюся из пучка. Такая молодая, красивая, стройная. Полина поправила платье, погладила живот, малыш снова разволновался. Нервная мать сегодня совсем не дает ему покоя.

Что она может ему говорить? Как рада новой встрече? Или как жаль, что вы тогда меня не изнасиловали, а ведь я об этом рассказала почти всем. Господи, ну что за чушь в голове. Ленка – еще одна подлая крыса. И зачем Влад вообще ее слушает?

Полине хотелось его окликнуть, но он ведь не комнатная собачка, да она и не станет этого делать. Она не покажет своих эмоций и ревности. Ревности? О, да, это была она, самая настоящая ревность.

К кому? К Ленке? Этого еще не хватало. Горько улыбнулась, покачала головой.

Лифт давно приехал, раздался характерный сигнал, Полина отвернулась, заметив, как на этот сигнал повернулся Влад и Елена. Быстро вошла, не хотела, чтоб ее видели, надавила на нужную кнопку, опустила глаза в пол, все еще продолжая думать о тех поедающих изнутри эмоциях.

Но двери лифта так и не закрылись, Влад с силой раздвинул их.

– Что не так? Тебе плохо? Полин?

– Все нормально.

– Я вижу, как ненормально. Что?

С самого утра, после случая в кабинете, Влад был заведен до предела, было трудно держать себя в руках и не сломать еще что-то. Валентин получил мало, очень мало, за его слова наказание должно быть жестче. Но прессовать его на глазах беременной девушки, даже он понял, будет неправильно.

Потом она долго плакала на его груди, ее слезы резали без ножа. Влад насмотрелся достаточно женских слез, его оскорбляли, кричали в лицо о ненависти, о том, какой он подонок. Но он не хотел быть в глазах своей женщины подонком, Влад хотел быть лучше. Потом Полина вроде бы успо-

коилась, зарылась в бумаги, видимо, ей все это на самом деле нравилось.

– Полинка!

– Чего тебе?

Поднимает ее лицо, с тревогой заглядывая в глаза, если ей сейчас будет плохо, он просто не знает, что нужно делать. Смотрит с вызовом, в янтарных глазах огонь, Влад даже подвис, они у нее всегда разные, а вот сейчас в них налет презрения.

– Не понял.

Лифт давно приехал на нужный этаж, но они так и стоят, не двигаясь места. Горничная, катившая мимо тележку, притормозила, но тут же поспешила пройти мимо.

– Спроси у блондинки, если ничего не понял.

– У кого? Ты ревнуешь?

Влад даже растерялся, такого в его жизни точно еще не было. Полина его ревнует к той сучке? Рассмеялся, прижимая девушку к себе.

– Совсем с ума сошла, и меня так скоро сведешь. Я думал, кому идти еще ломать кости и разбивать носы? Какая тварь посмела обидеть тебя.

Прижимает так, что Полина не может ни сопротивляться, ни вырваться. Он такой сильный, чувствует, как напряжено все его тело, глубоко вдыхает его запах, утыкаясь в грудь.

– Никто тебя не ревнует, больно надо.

– А если честно? – гладит по спине, жар от ладоней рас-

текается по телу.

– Скажи, что вы сказали Ленке, тогда, зимой? – сжимает ткань водолазки на груди Влада.

– Не думай о ней, ты больше ее не увидишь.

– И все-таки?

– Это плохие слова, наш сын слишком мал для них.

– Очень плохие?

– Очень.

Влад прекрасно помнит ту горничную, на лбу которой большими буквами было написано, что она шлюха. Владу в то время было все равно, кого трахать в рот, но ночной администратор завела не на шутку. Девка так открыто предлагала себя, что было противно. Зачем было размениваться на дешевок?

– Да, я ревновала. Не хочу, чтоб рядом с тобой крутились другие женщины. Я слишком много хочу?

– В самый раз, – так странно в его груди растеклось тепло, всего пара слов, но накрыли непонятные эмоции. – Меня никто никогда не ревновал.

– Не может этого быть.

– Может, Полинка.

Он ее целует, руки ласкаю спину, а потом накрывают грудь, чуть сжимая. Кусает губы, толкается языком. Полина уже тихо стонет, ей все равно, что они в лифте, и он снова куда-то поехал, что через камеры вся служба безопасности и администратор в холле видят их поцелуй. Пусть знают, чей

он мужчина, который ради нее ломает руки и целует вот так только ее.

Из головы сразу вылетают все сомнения и ревность, Полина совсем не умеет устраивать сцены.

– Влад, – часто дышит.

– Что?

– Ты возбужден.

– Конечно, возбужден, мой член всегда стоит, когда ты рядом, и как только я подумаю о твоей шикарной груди. Дай я их поцелую.

– Влад! Мы в лифте.

– Когда это меня останавливало? Пойдем, я вылижу твою сладкую девочку, надо снять стресс.

Влад снова был невыносимо пошлым и порочным, но именно это Полину всегда в нем возбуждало.

– Влад, господи, не говори так.

– Как? Что я вылижу твою киску и трахну языком твою сладкую дырочку? Пойдем быстрее. Ты,вообще, куда шла?

– В кабинет управляющего.

– Пошли быстрее. Где он?

– Там.

Снова движение лифта наверх, коридор, как только за ними захлопывается дверь, Влад, не отпуская руки, тянет Полину на стол, аккуратно усаживая, снова целует губы, шею, расстегивая сзади молнию платья. С нетерпением оттягивает его вниз, освобождая грудь и набухшие соски от кружева

белья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.